

ИСТОРИЯ

Э. Б. ПЕТРОВА

АНТИЧНАЯ ФЕОДОСИЯ И ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 2006–2010 гг.

После выхода из печати моей книги «Античная Феодосия: История и культура» [1], в которой ставилась цель подвести итоги полуторавекового изучения античного города Феодосии и его сельской округи, а заодно и истории Феодосийского музея древностей, прошло десять лет, и с тех пор появилось довольно много научных работ, посвященных различным аспектам античного прошлого города и прилегающих к нему земель. В статье, опубликованной в сборнике «Херсонесский колокол» [2], я дала обзор вышедшей за пять лет литературы, специально или в общем контексте истории античных государств Северного Причерноморья, касающейся интересующей меня темы. И теперь, по прошествии еще одного пятилетия, мне представляется целесообразным собрать воедино новые материалы об античной Феодосии. Помимо того, я включила в обзор и некоторое количество работ, изданных ранее, но не вошедших в мои предшествующие публикации. Нужно сказать, что археологические раскопки на территории античного города и его курганного некрополя давно не проводились – последние исследования на Карантинной горке относятся к 1975–1977 гг., на некрополе – к 1994 г., с тех пор количество имеющихся в нашем распоряжении источников возросло почти исключительно за счет публикации монет и материалов разведок и раскопок в сельской округе Феодосии. А за последние пять лет численность и этих памятников сильно сократилась.

В последнее десятилетие мне пришлось работать над подготовкой общих изданий по истории Крыма и истории Феодосии, в которых принимали участие многие авторы. В двух научно-популярных книгах Феодосия фигурирует в разделах, посвященных истории и культуре Боспорского царства [3; 4, с. 89-104], в других история и культура античного города представлены мною в специальных разделах [5; с. 8-65; 6, с. 14-34; 7, с. 12-32]. Обобщающей по своему характеру является статья А.В. Гаврилова [8], в основном повторившая

в сокращенном виде содержание ранее опубликованной им монографии [9]. В 2007 г. вышло 2-е издание книги Е.А. Катюшина, снабженное новыми иллюстрациями [10]. Краткий очерк истории античной Феодосии и хроника археологических раскопок, проводившихся на территории античного городища и некрополя, содержатся в статье Е.А. Айбабиной, вошедшей в 3-й том научно-популярного издания «Цивилизации» [11, с. 373-377, 394-396].

Далее мое внимание будет сосредоточено на тех работах, которые специально посвящены отдельным аспектам истории и культуры античной Феодосии и прилегающих к ней земель, а также на исследованиях, освещающих историю и археологию античных государств Северного Причерноморья (в первую очередь, конечно, Боспора) и затрагивающих феодосийскую тематику. Отмечу, что после длительного периода едва ли не полного застоя в изучении античной Феодосии в последние два десятилетия произошли существенные сдвиги, по крайней мере, в археологических исследованиях сельской округи города и в деле пополнения его нумизматической коллекции. Предварительно следует упомянуть монографию В.А. Колотухина и Г.Н. Тощева, посвященную эпохе бронзы в Крыму. В них собраны все имеющиеся на сегодня археологические свидетельства обитания догреческого населения в местах, расположенных в непосредственной близости или сравнительно недалеко от будущей Феодосии [12, с. 68; 13, с. 22-23, 26-27, 64-65, 86-87, 96-97, 142-143, 174-175]. Также отмечу два издания, посвященных исторической географии Северного Причерноморья. В книге В.В. Назарова собрана информация о подводных археологических обследованиях прибрежной акватории юго-восточного побережья Крымского полуострова и находках, относящихся к античному времени: у побережья от Кутлакской бухты до Феодосийской – единичных фрагментов керамики, свинцового якорного штока и скрепа, в акватории Феодосийского морского порта – остатков мола и полутора десятков амфор [14, с. 89-99]¹. Какие же выводы следуют из приведенного автором обзора? Во-первых, очевидно, что подводные исследования в районе Феодосии (хотя они и начались раньше, чем в иных местах, – еще при строительстве Феодосийского порта в 90-х гг. XIX в.) находятся в начальной стадии, но имеют неплохие перспективы. Во-вторых, имеющиеся материалы пока не позволяют говорить о сколько-нибудь значительном освоении греками прибрежных районов, расположенных западнее Феодосийской бухты.

¹ В последнем случае речь идет о подводных обследованиях, проведенных заведующим Феодосийским музеем древностей Л.П. Колли в 1894 и 1905 гг. К сожалению, с тех пор подводные работы в районе Феодосии не проводились, между тем в научной литературе неоднократно подчеркивалась значимость находок Колли (в том числе и для изучения ситуации с понижением уровня Черного моря в районе его северного побережья, в частности, Крыма). Если говорить о самых последних изданиях, то это книга В.Н. Таскаева «Античная подводная археология Северного Причерноморья» [15, с. 22, 24].

В монографии В.Г. Зубарева систематически исследуются данные античных литературных источников по географии Северного Причерноморья, и Феодосия фигурирует во многих случаях при локализации на местности того или иного географического пункта или выявлении расстояния между тем или иным пунктом [16, с. 87-92, 94, 106-108, 220-229, 240-241, 243, 275]. Скрупулезно проанализированы буквально все упоминания Феодосии в сочинениях античных писателей, сопоставлены их цифровые данные. Некоторые рассуждения и предположения автора имеют для нас принципиальное значение, например, об отражении в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея не только морского пути от Феодосии до Борисфена, но и более короткой сухопутной дороги, шедшей от Феодосии на запад к Керкинитиде, Калос Лимену и Перекопскому перешейку [16, с. 90, 94, рис. 4], о локализации гавани скифо-тавров (Афинеона) предположительно в районе с. Прибрежное, к северо-востоку от мыса Меганом [16, с. 220-221]².

Нелишним будет обратить внимание на книгу Ю.М. Могаричёва, А.В. Сазанова, Е.В. Степановой и А.К. Шапошникова, в которой представлены результаты изучения древнейшей ономастики Крыма, в частности античной Феодосии [17, с. 312-314]. Авторы отмечают, что большая часть личных имен, известных из эпиграфики античной Феодосии, принадлежит древнегреческому языку (КБН, 529-533, 954), что эпиграфика Феодосии III в. н.э. содержит несколько имен собственных осетинского облика (КБН, 947-951), а часть личных имен феодосийцев доносит в греческой передаче имена римские.

Феодосия, Пантикапей и Спартокиды. Здесь мы остановимся на нескольких вопросах: время основания Феодосии, взаимоотношения Феодосии и Пантикапея в ранний период их истории, события боспоро-феодосийско-гераклейской войны, положение Феодосии в составе Боспорского царства. И начнем с работ тех авторов, в которых специально трактуются эти вопросы. В монографии В.М. Зубаря и В.Н. Зинько, посвященной социально-экономической истории Боспора, Феодосия упоминается довольно часто. В отношении времени основания этой апойки авторы солидарны с теми исследователями, которые, основываясь на керамических материалах, считают, что Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Кепы, Гермонасса, Феодосия и некоторые другие центры на Боспоре возникли примерно в одно и то же время – во второй четверти – середине VI в. до н.э. [18, с. 13]³. Причины войны Сатира I и Левкона I за Феодосию авторы видят не столько в стремлении правителей избавиться от торгового конкурента, сколько в их намерении увеличить поступление доходов в казну царства за счет больших партий хлеба, получаемых Феодосией с окрестных земель и вывозимых ею

² К этому вопросу мы еще вернемся.

³ Нужно сказать, что для Феодосии на этот счет нет достоверных свидетельств [см.: 1, с. 46-47].

в Элладу, и торговых пошлин, собиравшихся в феодосийском порту [18, с. 57-58]. Завершение войны В.М. Зубарь и В.Н. Зинько относят к концу первой четверти IV в. до н.э. [18, с. 59]⁴. Авторы отвергают не подтвержденные данными источников сравнительно недавно появившиеся в печати гипотезы об активном участии Херсонеса и даже Ольвии в боспоро-феодосийско-гераклейской войне [18, с. 59, 117, прим. 19, 21]⁵.

В книге большое внимание уделяется последствиям войны Боспора за присоединение Феодосии. В первую очередь с этим событием связывается рост числа сельскохозяйственных поселений в Восточном Крыму со второй четверти IV в. до н.э.⁶, к этому же времени приурочивается начало интенсивного строительства в Пантикапее и других боспорских городах⁷ [18, с. 63-65]. Говоря о последствиях войны за Феодосию, В.М. Зубарь еще раньше справедливо критиковал появившуюся в научной литературе гипотезу, по которой широкое освоение Херсонесом земель в Северо-Западном Крыму было инициировано Гераклеей, лишившейся после войны с Боспором феодосийского порта и возможности получать значительные партии пшеницы из Восточного Крыма [19, с. 143]. Отмечу в связи с этим два момента. Первый: для Херсонеса естественным было стремление расширять свои земли, а наиболее перспективным в этом отношении являлось именно северо-восточное направление. Хотя, конечно, Херсонес помимо собственных выгод учитывал и экономические интересы своей метрополии, что в какой-то мере могло ускорить процесс освоения новых территорий. Момент второй: Гераклея не потеряла феодосийский порт после поражения в войне с Левконом – источники свидетельствуют о том, что она продолжала активно торговать с Феодосией и, кстати сказать, развивала коммерческие связи с Боспором в целом [1, с. 78; см. также: 20; 9, с. 59-60, 62, 115-117, 188].

Особое положение Феодосии в составе царства Спартокидов, близкое к политическому статусу Пантикапея, В.М. Зубарь и В.Н. Зинько объясняют в частности тем, что Феодосия и подконтрольная ей ближайшая сельскохозяйственная территория располагались обособленно от собственно боспорских

⁴ В литературе последнего времени все чаще фигурируют ранние даты завершения боспоро-феодосийской войны [см. дискуссию: 1, с. 74; 2, с. 128-130].

⁵ См. также по этому поводу у В.М. Зубаря: 19, с. 85, прим. 16. Автор критикует гипотезу о близости изображений на херсонесских монетах типа «голова льва – звезда» к боспорским выпускам, якобы свидетельствующей о тесных связях Феодосии и Херсонеса, активно поддерживавшего Гераклею Понтийскую в ее войне с Боспором. См. также: 2, с. 128-129.

⁶ А заодно и четкое выделение, по крайней мере, трех категорий землевладения на Боспоре: хоры полисов, царской хоры и владений варварских племен (последние, по-видимому, находились под юрисдикцией скифских царей) [18, с. 64].

⁷ Еще одно важное свидетельство того, что война Боспора за присоединение Феодосии завершилась раньше, чем полагают некоторые исследователи, – уже в первой четверти IV в. до н.э.

земель⁸, так как восточнокрымские степи контролировались скифами (такое мирное соседство было результатом боспоро-скифского союза в войне против Феодосии); и в пользу данного заключения приводится титул Левкона I «архонт Боспора и Феодосии» [18, с. 65-68, 69, 85]. Мне представляется, что такой взгляд на давно дискутируемый вопрос о титулатуре ранних Спартокидов заслуживает внимания. И последнее: В.М. Зубарь и В.Н. Зинько критически отнеслись к моему, по их словам, выводу, что после завоевания Феодосии боспорские правители стремились переориентировать ее экономику: сделать вывоз хлеба доминирующим, сократив при этом объем иных производств [18, с. 59, прим. 20]. Но это вовсе не вывод, а лишь мое предположение, и не менее беспочвенное, чем многие иные гипотезы, высказанные в работах других авторов касательно Феодосии и вообще всего античного Северного Причерноморья.

Война Спартокидов за присоединение Феодосии стала темой специальной работы А.А. Завойкина⁹. По признанию самого автора, предложенные им датировки, имеющие отношение к этой войне, гипотетичны, цель же его статьи состоит в том, чтобы акцентировать внимание на реальном состоянии и важности проблемы хронологии военных событий, так как дата их окончания «играет ключевую роль в определении целой хронологической цепочки других событий и фактов» в истории Боспора [22, с. 92, 99]. Начало войны он предположительно относит ко времени не позднее 393–392 гг. (незадолго до смерти Сатира I), участие в конфликте Гераклеи Понтийской – к ок. 386–366/364 гг. (до прихода к власти Клеарха), окончание военных действий – к середине – второй половине 360-х гг. (феодосийцы недолго продержались после того, как лишились поддержки Гераклеи) [22, с. 92-94, 97]. В таком случае война была длительной и, как полагает исследователь, велась не беспрерывно. Автор возвращается к ранее начатому им разговору о дружеских отношениях Гераклеи с Персией и возможном участии последней в боспоро-гераклейском конфликте; он не исключает, что пассаж Полиена с Мемноном и Аристонином относится ко времени службы Мемнона Родосского у персов (с 366/5 г.), и считает, что Аристонином мог быть отправлен на Боспор уже после того, как обучал музыке Филиппа II [22, с. 96-97]. Завершается статья еще одним предположением, основанным исключительно на логических рассуждениях: строительство феодосийского порта при Левконе могло длиться лет пять-десять и завершиться в первой половине 350-х гг. [22, с. 98-99].

А.С. Русяева и А.Б. Супруненко в совместной монографии соглашаются с мнением тех, кто считает, что присоединение Феодосии к Боспору осуществилось довольно рано – в пределах 80-х гг. IV в. до н.э. [23, с. 76]. Авторы

⁸ Связь же Феодосии с Пантикапеем поддерживалась преимущественно морем [18, с. 67].

⁹ В докторской диссертации А.А. Завойкина [21], судя по материалам автореферата, в основном повторяются ранее высказанные автором взгляды [см.: 2, с. 130-131].

критически относятся к гипотезе Ю.Г. Виноградова, по которой Левкон I ради завоевания Феодосии заключил союз с Ольвией (якобы находившейся в зависимости от дружественных Боспору скифов), в результате чего Ольвия стала для него надежным плацдармом в тылу у Херсонеса (а значит, и Гераклеи), вынужденного отвлекать часть своих сил с феодосийского театра военных действий из-за боязни нападения на него с северо-запада. Фантастичность этой гипотезы обосновывается тем, что она «не согласуется с внешне- и внутривосточной обстановкой, сложившейся в последней четверти V – первой четверти IV вв. до н.э. не только в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму, но и в Херсонесе, а также на Боспоре и в Скифии» (!), зависимость же Ольвии от скифов не подтверждается источниками [23, с. 110]. Заметим также, что у нас нет источников, свидетельствующих о том, что Херсонес участвовал в военных действиях, а Ольвия угрожала ему.

В статье А.И. Айбабина и В.А. Сидоренко война Левкона I за Феодосию датируется 390–385 гг.¹⁰ Поводом для обращения авторов к данной теме стал фрагмент, по всей видимости, посвятителю надписи на части мраморного постамента, обнаруженной в Керчи в 2007 г. При этом говорится, что обычное для титула Левкона дополнение «и Феодосии» не могло поместиться на плите. Отсюда делается вполне прогнозируемый вывод: надпись «относится к раннему времени архонства Левкона I, когда власть его распространялась только на Боспор, и может датироваться периодом войны Левкона I за Феодосию...». Для сравнения приводится наиболее ранняя надпись с именем этого правителя – посвящение Левкона Фебу Аполлону из Семибратнего городища, в котором «Левкон назван архонтом, возможно, без упоминания Боспора» [25, с. 121-124]. Заметим, однако, что текст из Семибратнего городища вызывает у исследователей разночтения¹¹, а фрагмент надписи из Керчи малоинформативен. И еще одно немаловажное обстоятельство: мы должны быть уверены в том, что Левкон имел официальный титул «архонт» до присоединения Феодосии к его царству, а не приобрел его после этого события¹².

Яркое описание Полиеном отдельных эпизодов войны между Боспором, Феодосией и Гераклеей вызывает у исследователей естественное желание связать это письменное свидетельство с данными археологии. В частности, сообщение Полиена о высадке гераклеотов в разных местах побережья Боспорского царства дает надежду на подтверждение этой военной акции материалами раскопок в прибрежных населенных пунктах юго-восточной части Керченского полуострова. В очень осторожной форме А.М. Бутягин и Д.Е. Чистов

¹⁰ В работе 2009 г., о которой речь впереди, В.А. Сидоренко датирует войну концом 90-х – началом 70-х гг. IV в. до н.э. [24, с. 511].

¹¹ См. по этому поводу: 2, с. 129-130.

¹² Так, Е.А. Молев отмечает: «Видимо, до подчинения Феодосии проблемы титула просто не существовало» [26, с. 145].

связывают с этой акцией следы значительных разрушений и пожарищ первой половины IV в. до н.э. в Нимфее и Мирмекии [27, с. 138-139].

В.К. Голенко в монографии, посвященной Киммерику, ставит развитие фортификационной системы этого города в зависимость от длительности войны Боспора за Феодосию¹³ и считает, что Киммерик, «будучи бесспорно стратегическим узлом на черноморском побережье европейского Боспора... мог использоваться и как морская база или промежуточный плацдарм», что до окончательного присоединения Феодосии к Боспору «границей царства могла быть линия Узунларского вала, а на побережье – Киммерик, в то время как остальная западная часть полуострова до границ владений Феодосии могла оставаться своеобразной буферной зоной с варварским полусоседным населением» [28, с. 181]. Автор не исключает того, что земляной вал и ров на перешейке полуострова Узунларского и Кояшского озер могли быть построены в разгар войны Левкона за Феодосию [28, с. 260-261]. Безусловный интерес представляют и высказанные им мысли о неоформленности западных границ царства после присоединения к нему Феодосии и ее округи и о влиянии войны за Феодосию на отношения Боспора со скифами, которые диаметрально менялись (в качестве примера приводится война Перисада I со скифами, упомянутая в речи Демосфена) [28, с. 180].

В статье В.Н. Зинько и С.Р. Тохтасьева обращается внимание на то, что в надписи первой половины IV в. до н.э. на известняковой надгробной стеле, обнаруженной в Феодосии в конце XIX в. при строительстве порта («Арсий, сын Каллигита» – КБН, 948), одно из двух имен – Каллигит – является мегарским или беотийским, оно часто встречается в Мегарах начиная с V в. до н.э. [29, с. 121]. Если учесть, что из Феодосии происходит вообще мало надписей, то для нас немаловажно, что в этом ионийском городе селились выходцы из дорийских центров. Здесь уместно вспомнить о тесных связях Феодосии с Гераклеей Понтийской (и, видимо, ее северопонтийскими колониями) на протяжении длительного времени, но особенно в первой половине IV в., когда гераклеоты оказали помощь феодосийцам, отстаивавшим свою независимость в борьбе против боспорских тиранов.

В.П. Яйленко опубликовал посвящение Аполлону Дельфинию, происходящее, как он полагает, из Большой Керчи [30, с. 368-370, № 9]. Это еще одна надпись, в которой фиксируется титулатура Спартокидов – «архонт Боспора и Феодосии», царствующий над варварскими племенами, – и которая по письму близка известным нам надписям времени Левкона и Перисада (первой половины – середины IV в. до н.э.).

¹³ «...если “феодосийская” проблема не была разрешена на протяжении длительного времени, на протяжении которого постоянно сохранялась военная угроза со стороны сторонников отделения Феодосии, это наверняка должно было бы отразиться на масштабах фортификационного строительства в Киммерике» [28, с. 180]. Автор полагает, что война за Феодосию была завершена во второй четверти IV в.

Монеты Феодосии. Эта тема, по-прежнему, наиболее обсуждаема в специальной научной литературе, причина тому – большое количество новых монет феодосийской чеканки и других эллинских центров, обнаруженных на поселениях сельской округи Феодосии и активно публикуемых в последнее время. В основном это монеты из частных коллекций. В ряде нумизматических работ по-новому интерпретируются ранее известные типы монет феодосийской чеканки, публикуются и обсуждаются новые типы. Следует отметить, что при скудости письменных свидетельств монеты становятся для исследователей едва ли не основным источником по событийной истории Феодосии и ее округи. Характерно и обращение к монетам как к источнику по культурам античной Феодосии.

Две новые бронзовые феодосийские монеты публикует В.И. Суханов. На лицевой стороне этих монет – голова быка, на оборотной – шестилучевая звезда с надписью ΘΕΟΔΟΣ между лучами [31]. Автор отмечает: значительное число имеющихся в нашем распоряжении монет этого типа позволяет говорить о том, что медные монеты, как и мелкие серебряные, чеканившиеся в Феодосии в период независимости, предназначались для обслуживания внутреннего рынка полиса, а значит автономная чеканка этого города носила не только политический, но и важный экономический характер [31, с. 431-432, 434]¹⁴. По его мнению, тот вариант монетного типа, который представляют две публикуемые в статье монеты, был наиболее массовым и последним выпуском феодосийской меди с быком в трехчетвертном повороте и звездой¹⁵, а всю медь с легендой ΘΕΟΔΟΣ следует считать хронологически близкой [31, с. 434-435]. Так как в статье отсутствуют датировки, сочту нелишним добавить: монеты с такой легендой отражают новое название города, по всей видимости, полученное им от Левкона I; следовательно, и выпускались эти монеты уже после вхождения города и его округи в состав царства Спартокидов¹⁶.

А.В. Гаврилов и И.В. Шонов публикуют комплекс монет чеканки Феодосии и Пантикапея из усадьбы Южное. По словам авторов, этот комплекс наиболее полно отражает заключительную эмиссию Феодосии и позволяет «реконструировать некоторые детали одного из самых темных периодов истории полиса» [32, с. 356]¹⁷. Последняя чеканка города (монеты с легендами ΘΕΥ, ΘΕΥΔΟ) приурочивается к концу первой – началу второй

¹⁴ С этим нельзя не согласиться, и об этом мне доводилось писать еще тогда, когда феодосийских монет было известно совсем немного [1, с. 67].

¹⁵ До этого выпуска монеты с головой быка и звездой имели легенду ΘΕΟΔΕΩ, ΘΕΟΔΕΩ[Σ], отражавшую первоначальное наименование города.

¹⁶ Что произошло, как я полагаю, в 70-х или в конце 80-х гг. IV в. до н.э. [1, с. 52-54, 74].

¹⁷ На основании монет усадьба датируется концом третьей / началом четвертой четверти IV – концом 50-х / началом 40-х гг. III вв. до н.э. [32, с. 346, 348, 356].

трети III в. до н.э.¹⁸ и отмечается, что монеты данного выпуска преобладают на усадьбе Южное (более полусотни экземпляров оболов типа «голова Афины – палица, горит, ΘΕΥ»¹⁹), а это «свидетельствует о том, что с начала 60-х гг. III в. до н.э. на хоре полиса обращалась преимущественно собственная монета» и что центральная власть в условиях набегов и постоянного давления кочевников, разрыва экономических связей между регионами Европейского Боспора «утратила влияние на отдаленные районы царства и... не могла активно противодействовать традиционным сепаратистским тенденциям феодосийцев» [32, с. 348-349]. И далее следует весьма заманчивое, но недостаточно аргументированное предположение: Феодосия получила свободу, «к власти на некоторое время пришла феодосийская демократия», полис вновь начал чеканить собственную монету [32, с. 349]. Авторы отмечают, что феодосийские оболочки типа «голова Афины – палица, горит, ΘΕΥ» известны в ряде мест феодосийской округи – эти места и составляли хору Феодосийского полиса к началу 60-х гг. III в. до н.э. (к вопросу о размерах городской хоры Феодосии мы еще вернемся). Изображение Афины на монетах – своеобразная демонстрация проафинской политики, ориентация Феодосии на Афины как на главного экономического контрагента [32, с. 350]. Появление Деметры и Геракла на монетах Феодосии этого времени авторы рассматривают как отражение факта восстановления демократической формы правления в независимом Феодосийском полисе, а изображение букrania с легендой ΘΕΥΔΟ между рогами – как стремление феодосийцев возвратиться к традициям ранней чеканки их полиса [32, с. 350-355]. Восстановление власти Спартокидов в Феодосии и ее округе А.В. Гаврилов и И.В. Шонов приурочивают к концу 50-х – началу 40-х гг. III в. до н.э., а прекращение поздней чеканки города – ближе к концу правления Перисада II [32, с. 355-356].

Отношение к этой гипотезе в науке неоднозначно. А.Е. Терещенко, например, согласен с тем, что Феодосия воспользовалась «удачной для нее политической конъюнктурой» и «обрела некоторую автономию», и не исключает, что феодосийцы могли вступить в контакт со скифами ради того, чтобы попытаться вновь стать независимым полисом [33, с. 168, 169]. А А.А. Завойкин ее не приемлет и ссылается на устное замечание В.Ф. Столбы о том, что «затруднительно будет оторвать хронологию типа монет с головой Афины в шлеме от чеканки Левкона II», что это чеканка Феодосии «несомненно, была инспирирована самим Левконом» [22, с. 93, прим. 5]. Мне представляется справедливым и замечание самого А.А. Завойкина: независимо от того, по какой причине Феодосия и Фанагория стали выпускать в это время собственные деньги, «чеканка монеты, на которой указан

¹⁸ Об этих монетах и их хронологии см.: 1, с. 95-97; 2, с. 132-133.

¹⁹ Эту чеканку А.В. Гаврилов относит к началу 60-х – концу 50-х гг. III в. до н.э. [32, с. 352].

демотикон выпускавшей ее общины, говорит об изменениях отношений полисов и царской власти», «этот вынужденный акт должен был получить широкий резонанс в боспорском обществе» [34, с. 234]. Оба эти взгляда высказывались в науке и ранее [см.: 1, с. 96-97]. Разница в том, что теперь известно гораздо больше монет поздней чеканки Феодосии, что и позволяет вернуться к мысли Д.Б. Шелова о демонстративности автономных выпусков феодосийцев, их попытке обрести желаемую независимость или хотя бы автономию в составе царства, но не дает повода отказаться и от иного мнения (В.А. Анохин, Е.А. Молев и др.): феодосийская чеканка не имела самостоятельного значения – в условиях так называемого денежного кризиса она была инспирирована правящей династией. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько полагают, что при Левконе II в финансовой политике Боспора нарушается принцип централизованного выпуска монет, а эмиссии Феодосии, Фанагории, Горгиппии «были осуществлены в русле тех мер, которые предпринимались боспорской администрацией при проведении денежной реформы, начатой Левконом II», и диктовались «насушной потребностью экономического развития» [18, с. 124]. Иными словами, дискуссия на эту тему не завершена.

В двух публикациях А.В. Гаврилов и И.В. Шонов обращаются к изображениям богов на феодосийских монетах [32; 35]. В статье 2007 г. речь идет об Афине, Деметре, Аполлоне, Дионисе и Геракле, культ которых засвидетельствован их изображениями на монетах поздней феодосийской чеканки²⁰. Авторы рассматривают этот факт как возвращение феодосийских монетариев к традициям эпохи независимого существования полиса, как стремление феодосийцев отобразить на своих монетах традиционные полисные культы и продемонстрировать установление демократического правления в Феодосии, якобы добившейся независимости от Боспора в начале 60-х гг. III в. до н.э. [32, с. 350-355]. Здесь все логично: феодосийцы издавна почитали названных богов и у них были традиции собственной чеканки монет. Естественно, все это учитывалось при возобновлении феодосийского выпуска денег в III в. до н.э., причем безразлично – была ли это инициатива ставшего свободным полиса, или инициатива Левкона II. Но встает вопрос: а была ли Феодосия исключением, только ли она поместила на своих монетах изображения названных богов в то сложное для всех греков время? Ответ на этот вопрос содержится в работе А.С. Русяевой: в хронологических рамках всеобщего кризиса, начавшегося во второй четверти III в. до н.э. и продолжавшегося до конца этого столетия, на монетах северопонтийских полисов «впервые появились образы одних и тех же божеств с присущими им исконными

²⁰ Культ Диониса – изображением букrania с надписью ΘΕΥΔΟ между рогами (на монетах с головой Аполлона в лавровом венке) [32, с. 353-354].

сотерическими функциями» – Деметры, Аполлона, Афины, Геракла (и в качестве примера приводится изображение на монетах Левкона II и Феодосии головы Афины – богини-защитницы) [36, с. 238-240]. Это – результат наступивших изменений в жизни античных государств Северного Причерноморья. С помощью богов греки надеялись защитить свои города от варваров, вернуть утраченные плодородные земли. Иными словами, не только феодосийцы в тревожной обстановке обратили взоры к богам с сотерическими функциями и стали помещать их изображения на монетах.

Другая статья А.В. Гаврилова и И.В. Шонова посвящена культуре Ареса в Феодосии [35]. Поводом для нее послужило изображение этого божества на очень редком типе феодосийских монет. Авторы связывают этот выпуск серебряных драхм, на лицевой стороне которых изображена голова бородатого Ареса в шлеме, на оборотной – голова быка в фас, украшенная гирляндой, и надпись ΘΕΟΔΟ, с экстраординарным событием в жизни Феодосийского полиса – военной победой на начальном этапе боспоро-феодосийской войны – и датируют его первым десятилетием IV в. до н.э. В таком случае, как я понимаю, не приходится говорить о переименовании города Левконом I по завершении войны за Феодосию (с чем пока мне трудно согласиться [1, с. 50-54]). Но главное в статье все же не это, а намерение ее авторов значительно расширить наши представления о культуре Ареса в Феодосии за счет монет, до сих пор в нумизматических исследованиях не имевших отношения к этому божеству. Речь идет обо всех монетах с изображением Афины в шлеме, выпускавшихся Феодосией и в период ее независимости, и во время после присоединения ее к Боспору. Авторы полагают, что на всех этих монетах изображен безбородый Арес (а не Афина), культ которого в полисе, жившем в условиях постоянной угрозы со стороны соседних варваров, естественен (а пришел он из северо-западных областей Малой Азии, но вообще-то имел фракийские корни) [35, с. 151]. При этом авторы отмечают, что изображения бородатого или безбородого Ареса в шлеме – не редкость в монетной чеканке античного мира в VI–III вв. до н.э. [35, с. 148-149]. Вряд ли замена Афины на Ареса на феодосийских монетах встретит сочувствующий отклик у специалистов в области нумизматики.

Примечательно, что ничего подобного нет в публикации В.А. Сидоренко и И.В. Шонова тоже 2009 г., на которой остановлюсь подробнее [24]. В этой работе по-новому интерпретируются и датируются монеты феодосийской чеканки. На суд специалистов представляются 8 серий монет, включающих 29 типов. Опорой авторам в этом непростом деле послужили изыскания В.А. Анохина (в распоряжении которого было весьма ограниченное количество и монет, и монетных типов [37]), и большое число новых монет феодосийской чеканки, главным образом, из частных коллекций.

Выпуски первой серии (серебро типа «голова Афины в шлеме – букраний

в поле вдавленного квадрата, надпись ΘΕΟΔΕΩ»²¹) датируются 410–405 гг. до н.э. [24, с. 503]. Изображение Афины побудило авторов к рассуждениям на тему о возможности вхождения Феодосии в состав I Афинского морского союза. Сам факт членства Феодосии в этом союзе мне кажется весьма вероятным, вопрос в том, когда это произошло? В.А. Сидоренко и И.В. Шонов, ссылаясь на предположение В.А. Анохина о переселении из Нимфея в Феодосию изгнанников из Самоса во время пребывания Перикла в Понте, считают, что Феодосия тогда не могла войти в состав Афинского союза, но сделала это позже, по их мнению, не ранее 410 г. до н.э. И тогда же она «осуществляет чеканку первой монетной серии из не менее трех серебряных номиналов, в оформлении лицевых сторон которых (кроме тетартемория) отчетливо отражено влияние афинской монетной типологии» [24, с. 504]. Конечно, все это лишь предположения, причем одно выводится из другого. Но нельзя не заметить, что, во-первых, связи Феодосии с Афинами были давними и прочными, отсюда все же более вероятно, что она вошла в Афинский союз тогда же, когда и другие независимые от Боспора северопонтийские полисы, то есть во время понтийской экспедиции Перикла 438/436 гг. [см. об этом: 1, с. 66], во-вторых, очевидно, что время Пелопоннесской войны не было благоприятным для вступления в Афинский союз, хотя и нужно признать, что в 411–410 гг. афинянам удалось на некоторое время восстановить господство над проливами, улучшить свое экономическое положение, успокоить союзников. Еще следует отметить, что авторы связывают чеканку Феодосии с финикийской монетно-весовой системой и считают ее заимствованной у Гераклеи (видимо, по ошибке названной метрополией Феодосии [24, с. 505]).

Выпуски второй серии (серебро: голова бородатого мужчины в повязке вправо – в квадратном поле штемпеля голова быка вправо или в $\frac{3}{4}$ вправо, надпись ΘΕΟΔΕΟΣ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – семилучевая звезда, надпись ΘΕΟΔΕΟΣ) датируются 405–400 гг. до н.э. [24, с. 505-506]. Авторы полагают, что «после распада Афинского морского союза, завершившегося поражением Афин в Пелопоннесской войне в 405/4 гг. до н.э., Гераклея заключила симмахию с Феодосией и Синдским царством, в связи с чем осуществляется чеканка монетной серии Феодосии с помещением на монетах имени города как члена союза», это в свою очередь обеспечило помощь, оказанную Гераклеей Феодосии во время ее войны с Боспором [24, с. 506; см. также: 38, с. 192, прим. 1]. Но так как эти рассуждения покоятся на предположениях и авторы отказываются атрибутировать изображение мужской головы в повязке [24, с. 507], то я по-прежнему склонна видеть в ней героизированного ктиста Феодосии, а монеты с его изображением считать самой ранней чеканкой города [1, с. 51-53].

²¹ В эту же серию включается монета «букраний – муравей в поле вдавленного квадрата», которую и В.А. Анохин считал феодосийской [37, № 66].

Выпуски третьей серии (серебро: голова Афины в шлеме вправо – букраний, надпись ΘΕΟΔΕΩ²²; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ; шестилучевая звезда, между лучами против часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ) датируются 400–397 гг. до н.э. [24, с. 507-508]. Выпуски четвертой серии (серебро: голова Афины в шлеме вправо – букраний, надпись ΘΕΟΔΕΩ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда) датируются 397–395 гг. до н.э. [24, с. 508-509] и признаются настолько близкими третьей серии, что они «практически не различаются между собой» [24, с. 509]. Выпуски пятой серии (серебро: голова Афины в шлеме влево – букраний, украшенный гирляндой, надпись ΘΕΟΔΕΩ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ) датируются 395–390 гг. до н.э. [24, с. 509-510] и говорится, что они отличаются от двух предшествующих выпусков только поворотом головы Афины и головы быка с правого направления на левое [24, с. 510].

Выпуски шестой серии (серебро: голова Афины в аттическом шлеме с плюмажами в $\frac{3}{4}$ влево – голова Афродиты в stefane влево, надпись ΘΕΟΔΟ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестилучевая звезда; голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – восьмилучевая звезда) датируются 390–385 гг. до н.э. и связываются со знаменательным событием в ходе боспоро-феодосийской войны²³ – победоносным завершением первого ее этапа [24, с. 510-513]. Афина и Афродита на одной монете – это новое явление в нумизматике Феодосии, а Афродита вообще никогда не помещалась на известных нам монетах этого города. Авторы считают, что прототипом для феодосийских монетариев послужили изображения этих двух богинь на кизикинах V в., что появление Афины и особенности ее изображения на монете Феодосии свидетельствуют о «триумфе победы», а на Афродиту, которая, как известно, иногда позволяла себе вмешиваться в военные дела и спасала троянских героев²⁴, феодосийцы смотрели, как на спасительницу, внушившую страх врагам [24, с. 512-513]. Весьма гипотетично выглядит предположение, что психологический прием Тинниха не просто обратил осаждающих в бегство, но и вызвал смерть Сатира I под Феодосией (это, мол, и приписали защитники родного города Афродите-спасительнице). Появление новой легенды на монете – ΘΕΟΔΟ – В.А. Сидоренко и И.В. Шонов объясняют переименованием Теодеи (первоначальное название города) в Феодосию, что произошло уже ок. 390 г. до н.э. в связи с победоносным завершением первого этапа войны с Боспором [24, с. 511]. Завершая

²² В эту же серию включается серебряная монета типа «муравей – букраний».

²³ Кстати, датирующейся авторами концом 90-х – началом 70-х гг. IV в. до н.э.

²⁴ В статье В.А. Сидоренко и И.В. Шонова по случайной ошибке вместо Афродиты названа Афина, спасающая Париса и пытающаяся вынести с поля битвы Энея (см.: Гомер, Ил., III, 379-382; V, 311-318) [24, с. 513].

мысль авторов, можно сказать, что сами феодосийцы, а отнюдь не Левкон I, сочли нужным назвать свой город по-новому – «Богом данной», и в таком случае этим богом мог быть и не Аполлон [см.: 1, с. 53-54; ср.: 17, с. 311], а Афина или Афродита, или обе эти богини?

Выпуски седьмой серии (серебро: голова бородатого Ареса в аттическом шлеме влево – букраний, украшенный гирляндой, надпись ΘΕΟΔΟ; голова Афины в аттическом шлеме влево – букраний, украшенный гирляндами, надпись ΘΕΟΔΟ; медь: голова в короткой прическе влево – бодающий бык вправо, на черте под ним – надпись ΘΕΟΔΟ; голова, возможно, Аполлона влево – протома быка влево, надпись ΘΕΟΔΟ) датируются 385–380 гг. до н.э. [24, с. 513-514]. Изображение Ареса объясняется началом военных действий (видимо, имеется в виду второй период войны). Выпуски восьмой серии (серебро типа «голова Геракла влево – палица, надпись ΘΕΥΔΟ», «голова Аполлона в лавровом венке влево – букраний, украшенный гирляндами, надпись ΘΕΥΔΟ»; голова Деметры в венке и кекрифале влево – хлебный колос, надпись ΘΕΥΔΟ) датируются 380–370 гг. до н.э. и приурочиваются ко времени уже после присоединения Феодосии к Боспору [24, с. 515]. А вот медь типа «голова Афины в коринфском шлеме вправо – горит и палица, надпись ΘΕΥ» авторы называют девятой серией, датируют ее 245–225 гг. до н.э. [24, с. 515-516] и полагают, что эти монеты выпускались в правление Спартока IV (с 245 г.), а с приходом к власти Левкона II (между 240 и 225 гг.) «городская чеканка Феодосии оказалась под запретом» [24, с. 516]. Не исключается, что на феодосийском монетном дворе производилась надчеканка пантикапейских монет [37, № 144], представляющая голову Афины в коринфском шлеме вправо.

Обратимся к работам, посвященным нумизматическим материалам из Феодосии и ее округи более позднего времени. Большую серию монет с селища Куру Баш (лагерь), что недалеко от с. Виноградное, в 6 км к северо-западу от Феодосии, публикует А.В. Гаврилов. Это селище вместе с укреплением Куру Баш составляло единый комплекс, входивший в оборонительную систему на подступах к Феодосии и одновременно на западных рубежах Боспорского царства [39]. На селище, время функционирования которого приходится на вторую половину II – первую половину I вв. до н.э., бытовали серебряные и медные монеты чеканки Пантикапея времени последних Спартокидов (Перисадов IV и V), республиканского Рима того же периода, времени правления Митридата VI Евпатора, а также медь и серебро Синопы, Амиса, Амастрии, Фарнакии, Газиуры, Команы, Фанагории и Каппадокии второй половины II – первой половины I вв. до н.э. Примечательно месторасположение данного археологического памятника: недалеко от него, вдоль северного подножья хребта Тепе-Оба в античную эпоху проходили дороги, которые связывали Феодосию с западными районами полуострова [39, р. 329].

В статье М.Г. Абрамзона, доказывающего, что римские монеты не играли реальной роли в денежном обращении Боспора, фигурирует небольшое число ранее уже публиковавшихся римских монет первых веков н.э. из Феодосии и некоторых недалеко от нее расположенных мест [40, с. 6, 7, 9, табл. 2].

Сельская округа Феодосии. Хора Феодосии, как малая, так и большая, по-прежнему занимает значительное место в исследованиях археологов, хотя в последнее время разведки и раскопки в сельской округе античной Феодосии проводились не столь интенсивно и планомерно, как в недавнем прошлом. Подводя итог изучению античных и варварских древностей Восточного Крыма, в том числе сельской округи Феодосии, в особенности ее большой хоры (со ссылкой на археологические разведки и раскопки Е.А. Катюшина и А.В. Гаврилова), С.Г. Колтухов отмечает: «... можно с уверенностью говорить о том, что здесь... в полной мере проявилась тенденция к изучению региона в качестве зоны устойчивого, длительного контакта античной и местных варварских культур» [41, с. 227].

В коллективном труде «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» [38] собственно Феодосии отведено немного места, но некоторые теоретические рассуждения авторов имеют значение и для ее сельской округи. В книге В.М. Зубаря и В.Н. Зинько, а также в монографии В.Н. Зинько, посвященной хоре городов Европейского Боспора, уделяется некоторое внимание Феодосии и ее сельской округе [18; 42].

Основываясь на материалах исследований А.В. Гаврилова, В.Н. Зинько выделяет три самостоятельных района в сельской округе Феодосии раннего времени, но сохранивших свое значение и позже [42, с. 250-251]. Первый район – собственно хора полиса, расположившаяся к западу от Карантинной горки на площади ок. 50–60 кв. км и не далее чем на 10 км; для V в. до н.э. здесь известны немногочисленные поселения: пляж «Динамо», Тепе-Оба, Узун Сырт (последнее, возможно, было уже подконтрольной территорией). В конце V – начале IV вв. до н.э. собственно хора Феодосии расширяется за счет освоения земель по берегам рек Байбуга и Аджигол, и в первой четверти IV в. она составляет ок. 100 кв. км. Второй район – присивашские степи, территория от западного берега Куру Индола до Акмонайского перешейка, расположенная на удалении от 10 и более километров к северу от левого берега Байбуги. Здесь в конце V в. до н.э. появляется массовое оседлое скифское население, в связи с чем в конце V – начале IV вв. увеличивается число варварских селищ. В.Н. Зинько полагает, что этот район, отделенный от феодосийской хоры незаселенной полосой шириной более чем 10 км, не являлся сельской округой Феодосии, а находился под контролем скифских вождей, которые осуществляли обмен сельскохозяйственной продукцией с Феодосийским полисом. Третий район составляли варварские поселения по левому берегу Восточного Булганака, отделенные от поселений,

расположенных по правому берегу Куру Индола, незаселенной полосой шириной более 10 км. Он также не может считаться сельской округой Феодосии. В данном издании имеются карты, на которых обозначена территория городской хоры Феодосии в V в. до н.э. и в IV – первой трети III вв. до н.э., как это представляется автору [42, с. 248, 249, рис. 98, 99]. В обоих случаях это очень небольшая территория, окружающая город (та, что обозначена у В.Н. Зинько как первый район сельской округи Феодосии).

В совместной работе В.М. Зубаря и В.Н. Зинько звучит критика в адрес А.В. Гаврилова, включившего в сельскую округу Феодосии скифские поселения, расположенные в присивашских степях и к западу от Восточного Булганака. Авторы считают, что «это были, скорее всего, самостоятельные анклавные варварского хинтерлянда, контролируемого скифами» [18, с. 66]. Они также придерживаются мнения, что, как уже говорилось, Феодосия и контролируемая ею сельскохозяйственная округа располагались обособленно от собственно боспорских земель, так как не весь Восточный Крым входил при Левконе I в состав Боспора – степная часть его была заселена кочевниками-скифами и находилась под юрисдикцией скифских вождей [18, с. 67, 71]. В Восточном Крыму обитали также оседавшие на земле скифы, они могли расселяться и на землях, контролировавшихся Боспорским царством (и входивших в состав царских владений), и на землях, контролировавшихся скифскими вождями [18, с. 71].

Действительно, варварские поселения, расположенные западнее Восточного Булганака, находились довольно далеко от Феодосии, хотя и туда могли спорадически попадать товары греческого производства из Феодосии. Но в целом я не вижу существенной разницы между картиной сельской округи Феодосии, нарисованной, с одной стороны, А.В. Гавриловым, с другой – В.Н. Зинько, ведь под сельской округой этой эллинской апойки мы подразумеваем, помимо городской хоры, и те земли, с которых в Феодосию поступало зерно и потом вывозилось в эллинские центры. И очень вероятно, что эти заселенные варварами земли были подконтрольны скифским вождям, заинтересованным в обмене товарами с феодосийскими греками. Критику В.Н. Зинько вызвали и расчеты А.В. Гаврилова относительно численности населения сельской округи Феодосии и количества зерна, вывозимого из Феодосии (более половины урожая) [42, с. 283]. С этим можно согласиться, но при условии, что мы не будем забывать: любые подобного рода подсчеты являются условными.

А.А. Завойкин и А.А. Масленников, пытаясь проследить некоторые закономерности в освоении сельских территорий Боспора в раннее время (VI–V вв. до н.э.), специально останавливаются на памятниках феодосийской округи, полагая, что «любые миграционные процессы должны были сказаться там прежде, чем в прочих местах полуострова» [43, с. 117]. Имеется

в виду проникновения кочевников-скифов (их рейды через Керченский пролив), присутствие которых не могло не повлиять на расширение и обустройство городских хор [43, с. 116]. По наблюдениям авторов, вторая четверть V в. до н.э. была той гранью, которая отделила период интенсивного освоения греками сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова от некоего регресса, падения ранее достигнутых показателей, а если говорить конкретно о Феодосии, то численность сельских поселений ее хоры на протяжении V в. до н.э. либо не росла, либо даже сокращалась²⁵ [43, с. 123, 118]. Остается сожалеть, что дальше предположений нам не уйти, так как наши сведения о городской хоре Феодосии, в особенности для раннего времени, крайне скудны.

Примечательным явлением в боспороведении стала публикация результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 г. В.В. Веселова [44]. Для округа античной Феодосии это имеет особое значение, так как она исследована в меньшей мере, чем сельские поселения в других местах Боспора, да и материалы разведок Восточно-Крымского отряда Боспорской экспедиции ИА АН СССР, возглавлявшегося И.Т. Кругликовой, проводившихся севернее г. Старый Крым в 1956 г. и к северу, северо-западу и северо-востоку от Феодосии, а также на территории самой Феодосии в 1960 г., опубликованы недостаточно полно. Но особенно важны материалы разведок в самой Феодосии, которая до сих пор исследована хуже, чем ее сельская округа²⁶. Вблизи так называемой башни Клемента, что в южном углу гегуэзской цитадели, были найдены «фрагменты эллинистической посуды», «ручки амфор различных центров производства (в том числе фасосских) и несколько обломков кровельных черепиц (керамид) IV–III вв. до н.э. Значительное количество фрагментов было встречено между зданием киноплощадки и крепостью»²⁷ [44, с. 96]. Эти материалы не опубликованы²⁸. Их немного, и описаны они В.В. Веселовым суммарно, но при непростительно слабой изученности феодосийского городища они небесполезны, ведь места их обнаружения – это территория акрополя античного города и, возможно, частично какого-то жилого городского квартала²⁹.

²⁵ Ситуация изменяется со второй четверти IV в. до н.э., но это связано уже со становлением территориальной державы Спартокидов.

²⁶ Материалы разведок и раскопок в сельской округе Феодосии см.: 45; 9.

²⁷ Это юго-западная сторона Карантинной горки. Ныне на месте киноплощадки находится частная усадьба.

²⁸ Они не числятся в фондах Феодосийского музея древностей (там хранятся лишь материалы раскопок И.Т. Кругликовой у с. Айвазовское, что в районе г. Старый Крым). Скорее всего, В.В. Веселов сдал их в Керченский музей, и сейчас они находятся в фондах КГИКЗ среди большой массы материалов из разных мест, обнаруженных им в ходе разведок. Их поиск осложнен тем, что эти материалы специально не выделены, и нужно провести большую исследовательскую работу для того, чтобы это сделать.

²⁹ Акрополь Феодосии находился на Карантинной горке, жилые постройки – и на самой горке, и на ее склонах, и под горкой.

В книге С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова публикуются граффити и дипинти хоры античного Боспора, в том числе и из нескольких мест феодосийской округи – Береговое I, Виноградное, Журавки I, Новопокровка (они датируются V–II вв. до н.э., II–III вв. н.э.) [46, с. 83–84, 86, 118, 161–162]. Эти материалы еще раз убеждают нас в том, что на ближней хоре Феодосии проживали как греки, так и представители местного этноса. Ссылаясь на свидетельство Демосфена в речи «Против Лакрита», авторы констатируют: греки, бывшие владельцами наделов и усадеб и жившие на хоре полисов Боспора (в том числе Феодосии), нанимали рабочих для сбора урожая и обеспечивали их пропитанием; среди этих рабочих-эргатов могли быть как представители местного населения (скифы-земледельцы), так и греки (выходцы из разорившихся или обедневших городских семей) [46, с. 229–230]. Помимо того, в поисках аналогий авторы довольно часто обращаются к ранее опубликованным граффити и дипинти из собственно Феодосии [46, с. 17, 19, 22, 24, 29, 31, 44, 47, 50, 67, 94, 95, 105, 122, 123].

В 2007 г. вышли, к сожалению, с большим опозданием материалы археологических исследований в Крыму в 1995 г. К нашей теме имеют отношение две опубликованные в этом издании статьи. Е.А. Катюшин очень кратко описывает проведенные им в 1994–1995 гг. исследования на варварском поселении V–III вв. до н.э., обнаруженном на западной окраине Феодосии при устройстве глиняного карьера Феодосийского завода строительных материалов [47; см. о том же: 48, с. 56; 1, с. 60]. Автор отмечает перспективность дальнейших исследований на территории «варварской» сельской округи Феодосии. А.В. Гаврилов представляет результаты разведок и раскопок в Кировском районе [49]³⁰. Среди выявленных памятников – стоянки эпохи поздней бронзы и несколько поселений, свидетельствующих о том, что «территория в радиусе 30–40 км к западу – северо-западу от Феодосии в V–IV вв. до н.э. была довольно плотно заселена оседлым населением, которое в основном, судя по находкам лепной керамики, было таврами и скифами» [49, с. 32].

Назову также совместную работу А.В. Гаврилова, В.А. Колотухина и С.Г. Колтухова с материалами скифского могильника V–III вв. до н.э. у с. Приречное (Нижнегорский р-н) [50], которые дали авторам повод еще раз обратиться к материалам во многих отношениях близкого к нему могильника Фронтонное I, что на Акмонайском перешейке. Авторы датируют оба могильника V–IV вв. до н.э., но отмечают, что в них присутствуют погребения, содержащие предметы VI в. до н.э.³¹, и приходят к заключению: в V–IV вв. до н.э. степная

³⁰ Эти материалы вошли и в его монографию [9].

³¹ Могила № 92 во Фронтонном датируется авторами концом VI – первой четвертью или началом второй четверти V вв. до н.э. [50, с. 107].

часть Скифии была довольно плотно заселена, «в период наиболее интенсивной торговли Боспора хлебом, какая-то, возможно значительная, часть экспортного зерна поступала в античные центры (в частности в Феодосию) из этого региона Крыма» [50, с. 107-109].

А.А. Маслеников, С.Л. Смекалов и Т.Н. Смекалова продолжают начатый ими ранее разговор о системе размежевания полей на хоре Боспора, в частности в зоне к востоку от мыса Чауда, где благодаря аэрофотосъемке на значительной площади ими была выявлена ортогональная система участков (возможно, клеров), появление которой они датируют IV в. до н.э. и связывают с деятельностью Левкона I [51, с. 290-291; 52, с. 30-34, 39-41]³². На севере граница зоны, расположенной восточнее мыса Чауда, находится почти на широте Феодосии, на востоке она простирается на несколько километров восточнее озера Качик. На этой территории выявлено не менее 130 участков площадью в 13–14 га (следов усадеб при этом не обнаружено). Привлечение крупномасштабных карт позволило выявить и систему дорог, предположительно проходивших между земельными наделами. Но, нужно сказать, авторы не настаивают на том, что эта зона была частью феодосийской хоры и не исключают ее принадлежности, например, к хоре Казеки, которая, возможно, была выселком Феодосии³³ [52, с. 291]. Мне представляется, что результаты этих работ должны быть тщательно проверены, ведь совсем не исключено, что следы размежевок имеют гораздо более позднее происхождение.

Некоторые новые материалы А.В. Гаврилов публикует в уже упоминавшейся статье, посвященной исследованиям на селище Куру Баш (лагерь) [39]. Селище вместе с крепостью Куру Баш составляло единый комплекс, входивший в оборонительную систему на подступах к Феодосии и одновременно на западных границах Боспорского царства. Этот пункт имеет зрительную связь с городищем Сары Кая, укреплением Береговое I и Феодосией. Недалеко от него вдоль северного подножия хребта Тепе-Оба проходили дороги, которые связывали Феодосию с западными областями полуострова. К западу от холма – развалы бутового известнякового камня в виде полос, вероятно, ими отмечались границы земельных участков. Исследованный комплекс входил в оборонительную систему, созданную на западных границах Боспора и существовавшую с перерывами до середины III в. н.э. Похожие укрепления и усадьбы возникли в то же время в предгорьях и горах Юго-Восточного Крыма (Сары Кая, Карасан Оба, Яман Таш, Агармыш, Мачук и др.). Обитателями их было преимущественно варварское (тавро-скифское) население, объединявшееся в сельские общины и обрабатывавшее прилегающие земли.

³² О предшествующих публикациях авторов см.: 2, с. 136.

³³ Что, однако, не подтверждается какими-либо источниками.

На селище Куру Баш (лагерь) обнаружено большое количество монет Понта 111–90 г. до н.э. [39, р. 334-335]. Исследователь полагает, что они попали сюда после похода Диофанта на Боспор в начале весны 108/7 г. до н.э. Видимо, полководцу Митридата VI лишь с боем удалось взять бывшие на стороне Савмака Феодосию и соседствовавшие с ней укрепления. Тогда-то на селище Куру Баш был организован лагерь понтийских войск – отсюда там и монеты Понта. Автор также полагает, что на царских землях создавались поселения понтийских солдат и укрепления (такими пунктами и могли стать уже существовавшие ранее укрепления Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь) [39, р. 335, 336]. Автор отмечает, что, судя по археологическим материалам, какие-то подразделения понтийских войск могли располагаться в укреплениях Фронтное II, Береговое I, на городище Сары Кая [39, р. 337]. Селище Куру Баш могло прекратить свое существование во второй половине 60-х гг. до н.э. после измены и бегства Махара (65 г.), когда Митридат VI уничтожил поддерживавшие его гарнизоны. Во время измены Махара наряду с другими городами царства отпала и Феодосия; стратегам царя пришлось брать ее заново с помощью военной силы [39, р. 340]. Автор не исключает и другой вариант развития событий³⁴: селище Куру Баш (лагерь) могло быть разгромлено в 47 г. до н.э., когда Фарнаку, отставившему свою власть над Боспором, узурпированную Асандром, пришлось силой брать Феодосию и Пантикапей [39, р. 340-341].

В любом случае речь идет о важной роли Феодосии и близлежащих земель в бурных событиях эпохи Митридата VI и его преемников. Прослеживая дальнейшую судьбу города, А.В. Гаврилов считает, что Феодосия и окружающие ее укрепления были разрушены в конце I в. до н.э., во время правления Полемона I, и с этого времени город прекращает свое существование как полис, а его округа остается в составе Боспора на правах административной области с наместником во главе. На месте же Карантинной горки сохраняется лишь какой-то пункт – порт и торжище [39, р. 341-342]. Очевидно, что предложенная гипотеза нуждается в более серьезном обосновании уже хотя бы потому, что в первых веках н.э. Феодосия фигурирует в письменных источниках как город, а не торжище для окрестного населения, а в двух пантикапейских надписях «великий царь Аспург» назван, как в былые времена, царствующим «над всем Боспором, Феодосией» и многими племенами (КБН, 39, 40).

А.В. Гаврилов и С.Б. Ланцов публикуют материалы недавно открытого античного памятника в Двужорной бухте, располагавшегося недалеко от моря, у подножия холма, в 5 км от Феодосии [53]. В ходе разведок здесь были обнаружены кладки большой постройки, фрагменты лепной и гончарной посуды, в том числе амфор, массивные известняковые блоки, возможно, являвшиеся основанием винодавильной площадки. Авторы характеризуют этот памятник

³⁴ Его предложил В.К. Голенко.

как жилищно-хозяйственный комплекс IV в. до н.э. – III в. н.э. на феодосийской хоре [53, с. 74]. Если это предположение подтвердится, то мы расширим наши весьма скромные знания о прибрежных объектах городской хоры Феодосии.

В статье А.В. Гаврилова и И.В. Шонова обозначается территория хоры Феодосийского полиса к 60-м гг. III в. до н.э., какой она видится авторам на основании нумизматических материалов (оболов типа «голова Афины – палица, горит, надпись ΘΕΥ», найденных в ряде мест феодосийской округи): хребет Тепе-Оба и его северное подножие вплоть до русла Байбуги; долина между хребтами Биюк-Янышар и Тепе-Оба³⁵; горный район между Коктебелем, селами Наниково и Щебетовкой; северное подножие горного массива Агармыш – территория близ сёл Кринички, Абрикосовка, Айвазовское, Спасовка [32, с. 350, 352]. Эта территория значительно превышает ту, что обозначена на карте у В.Н. Зинько [42, с. 249, рис. 99]. Ясно, что вопрос о размерах малой (городской) хоры Феодосии остается открытым.

В монографии А.Е. Пуздровского «Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э.» описаны известные на сегодня позднескифские погребальные памятники, расположенные недалеко от Феодосии: Южное (Биюк-Янышар, хребет), Кринички, Отважное, Львовское [54, с. 35-38, 97-98].

Продолжаются публикация и обсуждение материалов из двух близких по времени возникновения памятников западных областей Боспорского царства – Кутлакской крепости и Таракташского комплекса. С большим опозданием вышла публикация С.Б. Ланцова с материалами его раскопок в Кутлакской бухте, недалеко от пос. Новый Свет, в 1995 г. [55]. Исследователь считает, что данное укрепление, созданное при Асандре и просуществовавшее лет 50–70, играло роль форпоста на западной границе царской хоры Боспора, и предположительно отождествляет его с Афинеоном [см. подр.: 1, с. 114-115; 2, с. 137]. Открытие крепости в 60 км юго-западнее от Феодосии позволило поставить вопрос о западной границе Боспорского царства в середине I в. до н.э. и позже – Боспор тогда контролировал всю прибрежную полосу, по крайней мере, до этой крепости [18, с. 148]. Соотнесение же крепости с Афинеоном не могло не вызвать сомнений у специалистов, и, прежде всего, потому, что она расположена почти в два раза дальше от Феодосии, чем гавань скифо-тавров (Афинеон) в подаче Арриана и Анонима [см. напр.: 16, с. 220; 19, с. 234, прим. 46]. Обычно исследователи помещали Афинеон в районе Судака или в районе пос. Курортное. В.Г. Зубарев предлагает искать его к северо-востоку от мыса Меганом, у с. Прибрежное (при стадии, равном 197 м, отсюда до Феодосии 39,4 км) [16, с. 221].

Материалы раскопок, произведенных в 1995 г. у северной окраины с. Дачное

³⁵ В этой долине находится усадьба Южное, монетные находки из которой и публикуются в данной статье А.В. Гаврилова и И.В. Шонова.

(бывш. Таракташ), были опубликованы В.Л. Мыцом, А.В. Лысенко, С.В. Семёным и И.Б. Тесленко [56], геофизических исследований – С.Л. Смекаловым [57]. Исследованию подверглись остатки культового комплекса, состоявшего из двух храмов и грунтовой могилы с многочисленными и разнообразными материалами. Авторы считают, что он существовал с конца I – начала II вв. н.э. до конца IV в. н.э., и «появление такого капища на территории западной части хоры Феодосии»³⁶, очевидно, можно считать свидетельством проникновения сюда в первые века н.э. групп нового населения» – позднесарматских племен аланов [56, с. 109-110]. Возник этот комплекс, по мнению исследователей, скорее всего, возле одного из появившихся на территории Боспора в I в. н.э. поселков сарматских родов или общин, получивших землю от царей Боспора при условии несения ими военной службы и уплаты податей [56, с. 110]. По наблюдениям О.В. Шарова, существовавший здесь культовый комплекс использовался наиболее активно в первой половине III в. н.э., после «готских войн» он довольно долго пустовал, а потом вновь на некоторое время стал посещаем немногочисленным населением, вернувшимся к мирной жизни [58, с. 463]. Уже в 1995 г. недалеко от святилища были найдены материалы, свидетельствовавшие о наличии там поселения, имевшего отношение к святилищу, а с 2002 г. начались раскопки этого поселения [см.: 2, с. 137]. По мнению специалистов, Таракташская долина была густо заселена в первые века н.э., дальнейшие исследования позволят больше узнать о материальной и духовной культуре жителей восточной части Горного Крыма. Таракташское поселение, как и Кутлакская крепость, находились на царских землях Боспора, но Феодосия была к ним ближе всех других городских центров, естественна и более тесная связь с ней жителей отдаленных западных областей царства.

Валы, рвы и дороги в районе Феодосии. Система обороны Боспора и связанные с ней дороги – одна из дискуссионных тем в боспороведении [см. подр.: 1, с. 111-114; 2, с. 137-139]. В.А. Горончаровский в книге, посвященной военному делу Боспора римского времени [59, с. 117-121], фактически подводя итог прошедшим дискуссиям, говорит о нескольких линиях обороны территории Боспора: первая – небольшие крепости и сторожевые посты в горных и степных районах, на западных границах таковой являлась Кутлакская крепость; вторая линия носила сплошной характер – это обновленные и усиленные валы и рвы предшествующего времени – Тиритакский, Узунларский и Арабатский, протянувшийся «от берега Азовского моря к западу от Арабатской стрелки до Феодосии» приблизительно на 25 км [59, с.118]. Автор придерживается мнения, что Асандрова стена, которую Страбон помещает «на перешейке... поблизости от Меотиды», и есть все три названные вала, реконструированные не ранее конца 40-х гг. I в. до н.э., и доказывает, что такие

³⁶ Лучше сказать: «большой хоры Феодосии» или «округа “Феодосия”».

масштабные работы вполне могли быть произведены «при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы в виде нескольких тысяч солдат» [59, с. 118-119]. Эта система обороны дополнялась отдельными укрепленными районами внутри царства – крепостями, оборонительными стенами городов, в особенности центров военно-административных округов (таковой как раз была Феодосия). Все эти укрепления были связаны между собой системой световой или дымовой сигнализации [59, с. 120]. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько придерживаются той точки зрения, что Асандрова стена – это Узунларский вал [18, с. 164-165; см. также: 28, с. 218].

Большой интерес представляют исследования, проведенные С.Л. Смекаловым и Т.Н. Смекаловой в Восточном Крыму. С помощью данных аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок им удалось проследить «протяженную цепочку очень часто следующих курганов или локальных возвышенностей, которая тянется от северо-восточной окраины г. Старый Крым вдоль реки Чурук-Су, затем у с. Новопокровка резко поворачивает на восток и идет вдоль Парпачского гребня вплоть до Узунларского вала. Впоследствии эта линия раздваивается, одна ее часть идет к Нимфею, другая – к мысу Ак-Бурун». Авторы полагают, что эта цепь курганов «маркирует одну из наиболее важных сухопутных артерий, связывающих важнейшие центры Боспора и переправы через пролив с кочевнической степью», а также «древний оборонительный рубеж, соответствующий южной границе путей миграции кочевых племен», рубеж, «вдоль которого следовала дорога, ведущая из Центрального Крыма до переправ через пролив» [52, с. 42, 44, рис. 8; 60, с. 91, рис. 9]. Ссылаясь на исследования А.В. Гаврилова, авторы считают, что система валов на западных границах Боспора должна была обезопасить от нападений хору Феодосии и защищать территорию царства в целом. Действительно, городская хора Феодосии, по всей видимости, не уходила далеко на север от города, и вполне возможно, именно «широтный» вал был нужен для ее охраны. Длина цепи курганов от с. Новопокровки до Узунларского вала составляет, по подсчетам С.Л. Смекалова и Т.Н. Смекаловой, ок. 68 км, что очень близко к длине Асандровой стены у Страбона [52, с. 44]. Эти наблюдения в совокупности с теми, которые содержатся в многочисленных публикациях А.В. Гаврилова, основаны не столько на умозаключениях, сколько на разнообразных источниках, так что им можно доверять.

Феодосия в первых веках н.э. Для этого периода в истории Феодосии в центре внимания исследователей оказываются боспоро-римские отношения, события боспоро-херсонесских войн и вопрос о наместниках Феодосии. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько, опираясь на керченскую надпись 70-х гг. III в. н.э., в которой Менестрат назван наместником Феодосии (КБН, 36), признают за этим городом особый статус в составе Боспора в первые века н.э. и включают его в число крупных городов царства, обладавших правами автономии (при наличии

контроля за деятельностью их гражданских общин со стороны представителей центра) и имевших в своем распоряжении полисные земли (находившиеся в верховной собственности царя) [18, с. 182, 184, 212; ср.: 39, р. 341-342]. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько придерживаются мнения, что сведения о военных действиях между Боспором и Херсонесом, содержащиеся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», можно использовать в качестве источника [18, с. 220-225; ср.: 61, с. 107³⁷]. Авторы полагают, что Валерий Аврелий Сог, известный из керченской надписи 603 г. босп. эры (осень 305 – осень 306 г. н.э.; КБН, 64), был поставлен наместником Феодосии не боспорским царем Фофорсом, потерпевшим поражение в первой войне с Херсонесом, а имперской администрацией, стремившейся укрепить на Боспоре проримски настроенные силы [18, с. 223]. Такой взгляд на события мне представляется лишь одним из возможных объяснений того, что Сог, гордый почестями, оказанными ему римскими императорами, не счел нужным упомянуть в своей надписи имени боспорского царя [ср.: 1, с. 129-130].

Иначе представляется ситуация на Боспоре В.Г. Зубареву: сопоставление данных письменных источников с археологическими материалами, зафиксировавшими разрушения на поселениях азиатской части царства и на хоре европейской его части, приводит его к мысли, что не боспоро-херсонесские войны привели к дестабилизации на Боспоре, а «значительно более масштабная опасность» – движение варварских племен Меотиды [62, с. 191]. По мнению автора, борьба с этими племенами, а не войны с Херсонесом, привела к сокращению территории Боспорского государства. Он выделяет два периода дестабилизации: первый начинается в 50-х гг. III в. н.э. и завершается к 80-м гг. того же столетия; второй начинается в 322–323 гг. и длится до 40-х гг. IV в. или несколько дольше [62, с. 192-193]. При этом феодосийский клад, последние монеты которого относятся к 328 г., как и некоторые другие клады позднебоспорских монет, В.Г. Зубарев связывает с событиями 322–323 гг., описанными у Зосима, и приурочивает ко второму периоду дестабилизации, который и привел к потере Боспором части своих территорий на западе (включая Феодосию и ее округу) [62, с. 190-193]. Херсонесские хроники Константина Багрянородного он рассматривает как реминисценцию событий, имеющих отношение к этим варварским походам, и отмечает, что боспоро-херсонесские войны, согласно традиции, проходили в местности Кафа и не имели столь серьезных последствий для Боспора, как движение варваров Меотиды [62, с. 191; ср.: 1, с. 130-133]. Концепция В.Г. Зубарева построена на рационалистическом

³⁷ Статья Л.И. Грацианской представлена в виде тезисов, поданных в сборник для публикации материалов конференции, отсюда ее чрезвычайная лаконичность и невозможность проследить аргументацию автора. Надеюсь, вслед за тезисами последует более объемная публикация.

подходе к источникам, в ней чувствуется логика, но неясным остается одно: а были ли в действительности боспоро-херсонесские войны, можем ли мы видеть в рассказе Константина некую историческую реальность?

Менее скептически настроены по отношению к рассказу Константина Багрянородного Н.Н. Болгов и М.Л. Рябцева [63]. В качестве одного из аргументов в пользу того, что, с одной стороны, с середины 70-х гг. III в., «очевидно, восстановилась традиционная политическая и военная зависимость Боспора от империи», а с другой стороны, Боспор проводил антиримскую политику, авторы приводят надпись Валерия Аврелия Сога и обращают внимание на то, что в ней «чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервиллизм», а умолчание Согом о боспорском царе объясняют «какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего, борьбой антиримских и проримских сил». Авторы даже полагают, что Сого мог быть одним из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, слабо контролировавшейся центром [63, с. 166-167]³⁸. Но в таком случае неясно, как этот бывший изгнанник стал наместником Феодосии. По указанию Рима? Это, конечно, возможно, в особенности если согласиться с историчностью текста Константина Багрянородного и вспомнить об описанных им поражениях Боспора в войнах с Херсонесом, инспирированных Римом. С другой стороны, из того же текста Константина следует, что боспорские цари не были столь уж послушными Риму, чтобы ставить своим наместником по сути дела своего противника [ср.: 18, с. 223]. И здесь дальше рассуждений нам не уйти: все дело в источниках – в их ограниченном количестве и предельной лаконичности.

Имеют значение для нас и некоторые работы, авторы которых специально не останавливаются на ситуации в Феодосии, но касаются вопросов, важных для ее истории в первых веках н.э. Среди них отмечу статьи И.Е. Смирновой, Н.В. Завойкиной и С.Ю. Сапрыкина [64–66]. В первой из них обобщаются и дополняются наши представления о полисе в составе монархического Боспорского государства в римский период его истории, что имеет прямое отношение к Феодосии. Две другие статьи посвящены теме, неоднократно обсуждавшейся в науке, но до сих пор недостаточно исследованной, – боспорским сообществам – фиасам, существование которых в Феодосии мы можем предполагать благодаря надписи на мраморной плите со списком мужских имен (КБН, 947) [см.: 1, с. 126].

Культы Феодосии. В последнее время в науке активно обсуждаются мировоззренческие вопросы, которым недостаточно внимания уделялось в

³⁸ Удивительно, что авторы приводят в этой связи замечание Псевдо-Арриана (77): «В этой Феодосии, говорят, некогда жили и изгнанники из Боспора». Обычно в научной литературе говорится (со ссылкой на Исократу и Псевдо-Арриана) об изгнанниках для времени, предшествовавшего боспоро-феодосийской войне начала IV в. до н.э. [1, с. 72].

недалеком прошлом. Нельзя сказать, что Феодосия и ее округа богаты памятниками, свидетельствующими о культурах и религиозных представлениях их обитателей в античное время, тем не менее, в прошедшее пятилетие эта тема затронута в целом ряде работ. Монография А.С. Русяевой интересна как работа общего характера, специально Феодосии в ней уделяется не много внимания: в основном она просто фигурирует среди боспорских городов, в которых почитались такие божества, как Аполлон Иетрос, Артемида Эфесская, Афродита³⁹, элевсинские боги (Деметра, Кора-Персефона, Иакх), Дионис, Геракл [67, с. 222, 241, 287, 293, 337-338, 405, 454; см. также: 68, с. 126]. Относительно культа Диониса исследовательница пишет, что он, скорее всего, носил частный, а не официальный (как я полагаю⁴⁰) характер, так как в нашем распоряжении не имеются данные о наличии святилища и официального фиаса этого божества. Исследовательница не согласна со мной и относительно того, что изображение быка на феодосийских монетах следует связывать с культом Диониса, она считает, что данное изображение могло быть заимствовано феодосийцами у Гераклеи Понтийской, и в таком случае его следует относить к культу Геракла в ипостаси защитника и освободителя [67, с. 405; 69, с. 69].

Подобные противоречивые суждения естественны при отсутствии надежной источниковой базы. Не могу не сослаться на мнение А.В. Гаврилова и И.В. Шонова, которые весьма уверенно связывают букраний на феодосийских монетах именно с Дионисом и говорят об официальном культе этого божества в Феодосии уже со времени ее основания; авторы также не исключают того, что букраний появился на феодосийских монетах под влиянием учения орфизма и что в Феодосии мог быть дионисийский фиас, «члены которого, похоже, оказывали существенное влияние на жизнь гражданской общины» [32, с. 353-354, прим. 154]⁴¹.

Немногочисленные упоминания Феодосии и ее культов имеются еще

³⁹ Автор говорит о святилище Афродиты в Феодосии [67, с. 293], но не делает ссылки на источники. Насколько мне известно, ни на Карантинной горке, где находился акрополь античного города, ни на ее склонах или вблизи от нее не обнаружены остатки какого-либо святилища. Есть только косвенные свидетельства (посвятительные граффити, терракоты, немногочисленные архитектурные детали) того, что на территории Верхнего города, как полагал Э.Р. Штерн, мог находиться храм, в котором почитались совместно божества, чьи имена зафиксированы на посвятительных граффити – Аполлон, Афина, Геракл, Гера, Артемида, Асклепий, в более предположительной форме – Зевс Сотер, Деметра [см. подр.: 1, с. 87-88, 144-148].

⁴⁰ Мне представляется, что Дионис наряду с Аполлоном и Деметрой входил в тройку верховных богов Феодосии, следовательно, его культ носил официальный характер [1, с. 147, 170-173].

⁴¹ Все это мне представляется заслуживающим внимания, но не могу согласиться с положением А.В. Гаврилова и И.В. Шонова относительно того, что «виноградарство и виноделие не играли в Феодосии какой-либо существенной роли». Так же, как и Е.А. Катюшин, я склонна

в одной работе общего характера – монографии И.Ю. Шауба [70, с. 21, 321-324, 348, 368-369]. В более ранней по времени работе И.Ю. Шауб анализирует культ Деметры на Боспоре и обращает внимание на тот факт, что в боспорской нумизматике отсутствует образ Деметры и это – один из аргументов в пользу высказанного им предположения о том, что функции этой богини на Боспоре в значительной степени были «узурпированы» Афродитой [71, с. 70]. Однако изображение Деметры имеется на феодосийских монетах. Впервые серебряная монета с головой Деметры на аверсе, колосом и надписью ΘΕΥΔΟ на реверсе была опубликована О.Н. Мельниковым еще в 2000 г. и датирована им последней четвертью III в. до н.э. [72, с. 214, 217, № 15; см. также: 1, с. 68, 96, рис. 19,15; 2, с. 131-132]. Таких монет оказалось не так уж мало, и нумизматы вскоре заговорили о них, как о чем-то обычном. Так, например, А.В. Гаврилов и И.В. Шонов, основываясь на монетах с головой Деметры, полагают, что культ этой богини был «одним из главных как для большинства городского, так и сельского населения Феодосии», что в Феодосии мог быть храм Деметры с ее статуей [32, с. 352]. Авторы также рассматривают изображение на поздних феодосийских монетах таких демократических, народных культов, как Деметра и Геракл, как возможное свидетельство того, что в начале 60-х гг. III в. до н.э. в Феодосии была на некоторое время восстановлена демократическая форма правления [32, с. 353, 355]. А в статье В.А. Сидоренко и И.В. Шонова монеты с головой Деметры помещены в 8-ю серию феодосийской чеканки, которую авторы датируют 380–370 гг. до н.э. [24, с. 515].

Похоже на то, что в Феодосии, где о культе Деметры у нас больше свидетельств источников, чем о почитании других богов, эта богиня выполняла свои прямые функции и их никто из богов не «узурпировал». Изображение Деметры на монетах свидетельствует не просто о значительной роли этого культа в Феодосии, но и о его официальном характере в этом полисе. Монеты с головой Деметры и колосом являются важным подтверждением того, что для Феодосии и ее округа хлебопашество и связанная с ним торговля хлебом были важнейшими отраслями экономики. Они также являются одним из аргументов в пользу моего предположения о существовании в Феодосии тройки верховных богов: Аполлона, Деметры и Диониса [1, с. 147].

Для изучения религиозной жизни феодосийцев важны также труды, не имеющие прямого отношения к Феодосии, а более общего характера, с характеристикой культов античных государств Северного Причерноморья. В этой связи отмечу работу В.П. Яйленко о посвяtitельных граффити Пантикапея и его округа, две статьи Н.В. Кузиной о роли культа Диониса в жизни античного Северного Понта, в частности Боспора [30; 73–75].

думать, что эти отрасли сельского хозяйства получили развитие на малой (городской) хоре полиса – в прибрежных районах и на склонах Тепе-Оба [1, с. 83].

Памятники искусства и художественного ремесла. Цельное исследование расписной керамики из Феодосии представлено в двух работах И.И. Вдовиченко [76, с. 17-19, 58-60, 210-223, рис. 37-50; 77]. В них дается подробная история находок и исследования соответствующих памятников. Отмечается, что в ходе археологических раскопок на территории городища и некрополя Феодосии выявлено всего 82 целых и фрагментированных сосуда, а на территории ее ближней и дальней хоры – 25 фрагментов [76, с. 17, 58, рис. 4; 77, с. 23, 28, рис. 1]. Это, конечно, не много по сравнению с количеством подобных находок из других античных центров Северного Причерноморья. Конечно, наибольший интерес для нас представляют фрагменты архаической расписной керамики, ибо они были и остаются единственным источником о времени основания Феодосии. И.И. Вдовиченко отмечает, что только два керамических фрагмента, происходящие с городища, относятся ко второй и третьей четвертям VI в. до н.э., остальные фрагменты чернофигурной керамики датируются более поздним временем [76, с. 59; 77, с. 24]. Следовательно, я вправе по-прежнему говорить, что ионийцы основали город в Феодосийском заливе около середины VI в. до н.э. Автор отмечает представительную группу ваз последней четверти V в. до н.э. и значительное количество керамики IV – рубежа IV–III вв. до н.э., обнаруженные на городище и некрополе Феодосии, а также большое число фрагментов сосудов коринфского, аттического и малоазийского производства второй половины VI – рубежа IV–III вв. до н.э. [76, с. 59; 77, с. 25]. В последнем случае важно то, что керамические материалы свидетельствуют об освоении сельскохозяйственной округи города уже во второй половине – конце VI в. до н.э. [76, с. 59; 77, с. 24]. Автор специально выделяет такие изображения на вазах, которые позволяют говорить, например, о связях Феодосии с Афинами, Малой Азией, о религиозных представлениях феодосийцев⁴², об их мифологических и литературных предпочтениях, увлечении театром. Следует признать, что эти работы, дополнившие более ранние исследования автора, являются важным вкладом в дело изучения истории и культуры античной Феодосии.

Произведения искусства из раскопок на городище и некрополе античной Феодосии фигурируют в работах М.В. Скржинской. Аттические краснофигурные вазы V–IV вв. до н.э. и танагрские статуэтки конца IV – III вв. до н.э. из раскопок в Феодосии XIX в. автор называет своеобразным журналом мод для жительниц Северного Причерноморья [78, с. 77]. Мастера по изготовлению терракот, пишет она, «изображали молодых женщин в красиво задрапированных хитонах и гиматиях, их волнистые длинные волосы уложены в пышные прически, в уши вдеты круглые серьги, а ноги обуты в изящные тонкие башмачки»

⁴² Росписи ваз свидетельствуют о значительной роли культа Диониса в Феодосии – это к вопросу о том, насколько был развит этот культ у феодосийцев и каков был его характер.

[78, с. 77, 78, рис. 11]. Описывая уборы богатых женщин, исследовательница упоминает пару золотых серег из Феодосии, сюжетная композиция которых включает Нику, управляющую квадригой, и воина-апобата в момент, когда он намеревается прыгнуть с колесницы [78, с. 78]⁴³.

В монографии М.В. Скржинской «Древнегреческие праздники в Элладe и Северном Причерноморье» феодосийские серьги стали поводом для обсуждения вопроса о состязаниях апобатов в Элладe, а сами серьги, по словам автора, «занимают первое место по мастерству исполнения среди серег роскошного стиля» [79, с. 181-183]. Из всех серег этого типа, известных в Северном Причерноморье, на феодосийских представлена самая сложная композиция [79, с. 182]. Автор придерживается мнения, что она воспроизводит не победу на реальных состязаниях в Афинах, как полагала М.И. Максимова, а «сцену из мифа о победе на каком-то сражении или поединке эпических времен» [79, с. 182-183]. Представляют для нас интерес и такие работы М.В. Скржинской, в которых феодосийские памятники искусства и художественного ремесла специально не обсуждаются, но содержащиеся в этих работах материалы имеют к ним прямое отношение⁴⁴ [80; 81].

Феодосийский музей древностей. Сложная и зачастую драматическая история древнейшего на юге России и Украины Музея древностей в Феодосии не перестает быть предметом изучения исследователей. В 2010 г. музей вновь обрел свое первоначальное наименование. И теперь он именуется не Феодосийским краеведческим музеем (ФКМ), а Феодосийским музеем древностей (ФМД)⁴⁵. Краткие очерки истории музея содержатся в работах Е.А. Айбабиной и Э.Б. Петровой [11, с. 386-396; 5, с. 166-173; 6, с. 178-181; 7, с. 168-171; 4, с. 460-462]. В статье А.А. Евсеева собраны сведения об «Указателях Феодосийского музея древностей», изданных заведующими музеем при содействии ООИД во второй половине XIX – начале XX вв. и являющихся ценным источником по истории музея и формирования его коллекций [82, с. 391-393]. Важно также сообщение о наличии в фондах музея седьмого выпуска «Указателя ФМД», готовившегося к изданию В.Д. Гейманом (заведовавшим музеем в 1918–1920 гг.), но оставшемся неопубликованным [82, с. 392].

Документы ГААРК легли в основу работ С.А. Андросова: в одной раскрывается деятельность ООИД (в ведении которого с 1851 г. находился ФМД) в сфере сбережения культурных ценностей Крыма; в другой прослеживаются

⁴³ Эти произведения ювелирного искусства и раньше были предметом ее специального исследования [см.: 2, с. 140].

⁴⁴ Речь идет об изображениях сирен, горгон, сфинксов, исполнявших роль оберегов, и грифонов, в некоторых преданиях служивших богам, которые ездили на них верхом или запрягали в колесницы. Такие изображения хорошо известны на памятниках искусства и художественного ремесла из Феодосии.

⁴⁵ С сохранением всех ранее существовавших отделов.

судьбы коллекций крымских музеев (в том числе ФКМ) в годы Великой Отечественной войны [83, с. 4-21; 84, с. 171-180]. Деятельности ООИД по сохранению исторических памятников Крыма посвящена также статья А.В. Шамаева [85, с. 311-318].

Известно, какую большую роль в жизни музея сыграла ТУАК–ТОИАЭ. Полезными для исследователей могут стать указатели к протоколам заседаний комиссии и тексты ранее неопубликованных протоколов за 1920–1931 гг., содержащиеся во втором издании книги С.Б. Филимонова «Хранители исторической памяти Крыма» [86].

В книге А.А. Непомнящего представлено краткое изложение биографии и деятельности заведующих музеем Е.Ф. де Вильнёва, И.С. Безкровного, С.И. Веребрюсова, О.Ф. Ретовского, Л.П. Колли, а также много сделавшего для музея и изучения прошлого Феодосии и ее округа Н.Н. Мурзакевича [87, с. 110-119, 237-243]. Специальную статью, основанную на новых документах из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, А.А. Непомнящий посвятил крымскому периоду жизни С.И. Веребрюсова, заведовавшего музеем в 1869–1878 гг. [88, с. 23-28]. Мною написаны небольшие биографические очерки о С.М. Броневском, Е.Ф. де Вильнёве, В.К. Виноградове, И.И. Грапероне, Л.П. Колли и Н.Н. Мурзакевиче для научно-популярной книги «Крым в лицах и биографиях», подготовленной коллективом авторов [89, с. 155-157, 162-165, 165-168, 178-180, 226-229, 288-291; см. также: 90, с. 54-57], а также статья о жизни и деятельности Н.Н. Мурзакевича и его роли в формировании коллекций ФМД [91, с. 614-632; см. также: 92]. В работе В.В. Дмитриева излагаются некоторые стороны деятельности С.М. Броневского на посту градоначальника Феодосии, вошедшего в историю также как основатель ФМД [93, с. 358-363]. Е.И. Жарков в книге «Страна Коктебель» рассказал историю о жизни в Коктебеле искусствоведа А.П. Новицкого, в апреле 1922 г. ставшего профессором Феодосийского института народного образования по кафедре русской истории и одновременно заведующим Феодосийским музеем (эти должности он исполнял несколько месяцев) [94, с. 79].

Отмечу также издание книги «Воспоминания о Феодосии» уроженца Феодосии И.М. Саркизова-Серазини, в свое время подарившего библиотеке музея подлинные документы XVIII в. и более 200 книг, включая редкие издания⁴⁶. В этом сочинении сохранилась живая память об одном из выдающихся заведующих ФМД – ученом-краеведе Л.П. Колли [96, с. 103-105].

К 200-летию ФМД готовятся два новых издания: книга о г. Феодосии и ее главном музее и библиографический словарь «Сотрудники Феодосийского

⁴⁶ Авторская копия воспоминаний, датированная 1932 г., находится в фондах ФМД. Впервые воспоминания были опубликованы в малотиражном феодосийском журнале «Окоём» [95, с. 36-80].

музея древностей – деятели науки и культуры». Очевидно, что список научных трудов, посвященных античной Феодосии и ее округе, а также истории ее музея, значительно расширился за последний десяток лет, с тех пор, как вышла в свет моя монография [1]. Однако многие вопросы в истории античной Феодосии по-прежнему остаются нерешенными, а количество гипотез все возрастает. Ситуация с поиском новых источников, то есть с археологическими исследованиями на территории античной Феодосии и ее некрополя, увы, остается неизменной: раскопки не ведутся и, судя по всему, в ближайшее время не предполагаются. Между тем частные коллекции пополняются античными материалами из Феодосии и ее округи, и лишь самая небольшая часть их – некоторое количество монет – оказывается доступной исследователям и публикуется. По всей видимости, систематическое изучение Феодосии – одного из крупнейших и важнейших эллинических городов в Северном Причерноморье – дело будущих поколений ученых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Э.Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь, 2000.
2. Петрова Э.Б. Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2000–2005 гг. // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
3. Петрова Э.Б. Великая греческая колонизация. Боспор Киммерийский // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004.
4. Петрова Э.Б. Греческая колонизация. Боспор Киммерийский. Феодосийский музей древностей // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2010.
5. Петрова Э.Б., Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Феодосия: Очерк-путеводитель. Симферополь, 2006.
6. Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Феодосийский краеведческий музей // Феодосия / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь; Феодосия, 2008.
7. Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Феодосийский музей древностей // Феодосия / Под ред. Э.Б. Петровой. Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь; Феодосия, 2010.
8. Gavrilov A.V. Theodosia and its Chora in Antiquity // Surveying the Greek Chora: The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus University Press, 2006.
9. Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
10. Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. Феодосия, 2007.
11. Айбабина Е.А. Древняя и средневековая Феодосия. Феодосийский краеведческий музей // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: Теория, история, диалог, будущее. М., 2008. Т. 3. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций.
12. Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003.
13. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
14. Назаров В.В. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины: Памятники античной и средневековой эпох. Киев, 2003.
15. Таскаев В.Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М., 2009.
16. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным письменной традиции. М., 2005.

17. Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
18. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XII.
19. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
20. Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф. Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
21. Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.06 – археология. М., 2007.
22. Завойкин А.А. Заметки о войне Спартокидов за Феодосию // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008.
23. Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности эллино-скифской эпохи: Культурно-политические контакты и взаимовлияния. Киев; Комсомольск, 2003.
24. Сидоренко В.А., Шонов И.В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
25. Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVII.
26. Молев Е.А. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М., 2003.
27. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Новый комплекс IV в. до н.э. из Мирмекия // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII.
28. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006.
29. Зинько В.Н., Тохтасьев С.В. Эпитафия Гефестиона из Нимфея // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII.
30. Яйленко В.П. Посвятительные граффити Пантикапея и округа // Древности Боспора. М., 2006. Т. 9.
31. Суханов В.И. Две редкие монеты Феодосии начала IV в. до н.э. // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2003–2004. № 6.
32. Гаврилов А.В., Шонов И.В. Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса: По нумизматическим материалам одной усадьбы // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2.
33. Терещенко А.Е. Ситуация на западных границах Боспорского царства в конце IV – III в. до н.э. // БИ. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXI.
34. Завойкин А.А. Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. Ф.У. Уолбанка. Казань, 2009
35. Гаврилов А.В., Шонов И.В. Арес на монетах Феодосии // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
36. Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь, 2005.
37. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
38. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005.
39. Gavrilov A.V. Coins Finds from the Kuru Bas Fortified Settlement and Some Questions Concerning the History of Theodosia in the Late 2nd and 1st Centuries BC // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus University Press, 2009. P. 329-352.
40. Абрамзон М.Г. Римские монеты в денежном обращении Боспора // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.

41. Колтухов С.Г. Формирование и развитие скифского направления в археологии Крыма // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2004. Вып. 14.
42. Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XV.
43. Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоенных сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Ойкос. Керчь, 2006.
44. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005. (Древности Боспора. Suppl. 2).
45. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
46. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Suppl. 1.
47. Катюшин Е.А. О раскопках поселения скифского времени на территории карьера Феодосийского завода строительных материалов // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
48. Бейсанс Д., Жиода А., Морель Ж.-П., Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
49. Гаврилов А.В. Археологические разведки и раскопки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
50. Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V–III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. 10.
51. Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора // Древности Боспора. М., 2005. Т. 8.
52. Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов Европейского Боспора // Би. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X.
53. Гаврилов А.В., Ланцов С.Б. Новый античный памятник в Двужакорной бухте // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Мат. III Судакской междунар. науч. конф. Киев; Судак, 2006.
54. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь, 2007.
55. Ланцов С.Б. Пятый сезон работ Кутлакской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
56. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Сёмин С.В., Тесленко И.Б. Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ) // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
57. Смекалов С.Л. Геофизические исследования на памятнике Таракташ // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
58. Шаров О.В. Святилища на склонах горы Таракташ в Восточном Крыму // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
59. Горончаровский В.А. Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.
60. Смекалова Т.Н. Русские топографические карты XVIII–XX вв. как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVII.
61. Грацианская Л.И. К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
62. Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н.э. // Би. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI.
63. Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (середина III – VI вв.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.

64. Смирнова И.Е. Полис и монархия в I–III вв. н.э.: Права и обязанности граждан Боспора // Историчні і політологічні дослідження. Донецьк, 2002. № 2(10).
65. Завойкина (Смирнова) Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века н.э. // Древности Боспора. М., 2003. Т. 6.
66. Сапрыкин С.Ю. Боспорские фиасы // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
67. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святотилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
68. Русяева А.С. Боспорская Деметра // Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С. и др. Склеп Деметры. Киев, 2009.
69. Русяева А.С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX.
70. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье: VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
71. Шауб И.Ю. О культе Деметры на Боспоре // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2005.
72. Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
73. Кузина Н.В. К вопросу о роли культа Диониса в общественно-политической и культурной жизни Боспорского государства // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX.
74. Кузина Н.В. Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества: Сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11.
75. Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 1-2.
76. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье: VII–IV вв. до н.э. Симферополь, 2008.
77. Вдовиченко И.И. Расписная керамика античной Феодосии // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
78. Скржинская М.В. Женщины в античных государствах Северного Причерноморья // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX.
79. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009.
80. Скржинская М.В. Женские миксантропические существа на памятниках искусства, найденных на Боспоре // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
81. Скржинская М.В. Семантика изображений грифонов на памятниках искусства из раскопок Боспора, Херсонеса и Ольвии // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
82. Евсеев А.А. Указатели Феодосийского музея древностей // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
83. Андросов С.А. Деятельность ООИД в сфере сбережения культурных ценностей Крыма // Пилигримы Крыма: Сб. науч. ст. и мат. Симферополь, 2003. Вып. 2(7).
84. Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 6-7.
85. Шаманаев А.В. Памятники Крыма и Одесское Общество истории и древностей // Россия – Крым – Балканы. Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 2004.
86. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического Общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004.

87. Непомнящий А.А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX ст.): Бібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003.
88. Непомнящий А.А. Кримські сторінки біографії С.І. Веребрюсова: За новими документами архівів Москви та Санкт-Петербургу // Історія і культура Придніпров'я. Невідомі та мало-відомі сторінки: Наук. щорічник. Дніпропетровськ, 2004. Вип. 1.
89. Петрова Э.Б. Броневский С.М., Вильнёв Е.Ф. де, Виноградов В.К., Граперон И.И., Колли Л.П., Мурзакевич Н.Н. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008.
90. Петрова Э.Б. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму: И.И. Граперон и Феодосийский музей древностей // Причерноморье: История, политика, культура. Серия Б. Вип. 1. Избр. мат. Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&sub=public&public=prich01>
91. Петрова Э.Б. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич // МАИЭТ. 2007. Вип. XIII.
92. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н.В. Гоголя) / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2011 (в печати).
93. Дмитриев В.В. Роль градоначальств в истории Крыма в XIX – начале XX вв. // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. тр. (по материалам конф. в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кёппена). Киев, 2004.
94. Жарков Е.И. Страна Коктебель. Культурные очаги: середина XIX – середина XX вв. Киев, 2008.
95. Саркизов-Серазини И.М. Клочки воспоминаний: 1892–1900 гг. // Окоём. Феодосия, 1992. № 1.
96. Саркизов-Серазини И.М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия, 2010.

Петрова Э.Б.

Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2006-2010 гг.

Резюме

В статье дается обзор научных исследований по археологии, истории и культуре античной Феодосии и ее окружи, а также по истории Феодосийского музея древностей, вышедших в свет в 2006-2010 гг., после опубликования монографии автора [1] и статьи, посвященной периоду 2000-2005 гг. [2]. Освещая новейшие исследования по истории античной Феодосии, автор выделяет ряд тем: Феодосия, Пантикапей и Спартокиды; монеты Феодосии; сельская округа Феодосийского полиса; валы, рвы и дороги в районе античной Феодосии; Феодосия в первых веках новой эры; культы Феодосии; памятники искусства и художественного ремесла. В специальном разделе рассматриваются работы, посвященные истории Феодосийского музея древностей.

За последние пять лет появилось довольно много работ, посвященных различным аспектам античного прошлого города и прилегающих к нему земель, однако многие вопросы по-прежнему остаются нерешенными, а количество гипотез (зачастую слабо обоснованных) все возрастает. Не изменилась ситуация с поиском новых источников, то есть с археологическими исследованиями на территории античной Феодосии и ее

некрополя: раскопки не ведутся и, судя по всему, в ближайшее время не предполагаются. Между тем частные коллекции пополняются античными материалами из Феодосии и ее округи, и лишь небольшая часть их (некоторое количество монет) оказывается доступной исследователям и публикуется. По всей видимости, систематическое изучение Феодосии – одного из крупнейших и важнейших эллинских городов в Северном Причерноморье – дело будущих поколений ученых.

Петрова Е.Б.

**Антична Феодосія і Феодосійський музей старовини
в дослідженнях 2006-2010 рр.**

Резюме

У статті дається огляд наукових досліджень з археології, історії й культури античної Феодосії та її округи, а також з історії Феодосійського музею старовини, що вийшли в світ у 2006-2010 рр., після публікації монографії автора [1] і статті, присвяченої періоду 2000-2005 рр. [2]. Висвітлюючи новітні дослідження з історії античної Феодосії, автор виділяє наступні теми: Феодосія, Пантікапей і Спартокіди; монети Феодосії; сільська округа полісу Феодосії; вали, рови й дороги в районі античної Феодосії; Феодосія в перших століттях нової ери; культури Феодосії; пам'ятки мистецтва і художнього ремесла. У спеціальному розділі розглядаються роботи, присвячені історії Феодосійського музею старовини.

За останні п'ять років з'явилося досить багато робіт, присвячених різним аспектам античного минулого міста і прилеглих до нього земель, проте багато питань як і раніше залишаються невирішеними, а кількість гіпотез (часто слабо обґрунтованих) все зростає. Не змінилася ситуація з пошуком нових джерел, тобто з археологічними дослідженнями на території античної Феодосії та її некрополя: розкопки не ведуться і, судячи з усього, найближчим часом не передбачаються. У той самий час приватні колекції поповнюються античними матеріалами з Феодосії та її округи, і лише невелика частина їх (деяка кількість монет) стає доступною дослідникам і публікується. Вочевидь, систематичне вивчення Феодосії – одного з найбільших і найважливіших еллінських міст в Північному Причерномор'ї – справа майбутніх поколінь учених.

Petrova E.B.

Ancient Feodosia and Feodosia Museum of Antiquities in Researches of 2006-2010

Summary

The article gives the review of scientific research on archaeology, history and culture of ancient Feodosia and its neighbourhood, as well as on the history of Feodosia Museum of Antiquities published in 2006-2010, after the publication of the monograph of the author [1]

and the article devoted to the period of 2000-2005 [2]. Covering the latest research on the history of ancient Feodosia, the author partitions a number of themes: Feodosia, Pantikapaion, Spartokida; coins of Feodosia; rural neighbourhood of Feodosia; barrels, ditches and roads in the district of ancient Feodosia; Feodosia in the first centuries of the new era; cults of Feodosia; monuments of arts and handicraft. Works devoted to the history of Feodosia Museum of Antiquities are considered in a special section.

Recently many works have appeared, they are devoted to different aspects of the ancient past of the city and lands adjacent to it; however, many problems have not been solved yet, and the number of hypotheses (rather often they are not well-substantiated) is increasing. The situation with data retrieval, i.e. archaeological research on the territory of ancient Feodosia and its necropolis, has not changed: there are no excavations now and, most likely, are not going to be undertaken. And still, private collections increase funds with ancient materials from Feodosia and its neighbourhood, and only a very small part of them (some coins) can be investigated and published by researchers. Apparently systematic study of Feodosia – one of the largest Hellenic cities in the Northern Black Sea Coast – is the work for future generations of scholars.